

ПАЛИТРА РУССКОГО МИРА: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД

УДК 008; 291.5; 327

РУССКИЙ МИР: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

В. Ю. Даренский
(Луганск, Луганская Народная Республика)

В статье дается определение понятия «русский мир», раскрывается его внутреннее содержание, выясняются истоки происхождения термина. Явление Русского мира исследуется в статье как локальная цивилизация общности в истории. Анализируя современное цивилизационное пространство Русского мира, культурно-историческую и политическую ситуации, сравнивая особенности западной и восточной цивилизаций, автор прогнозирует жизнь Русского мира в качестве цивилизации будущего. В статье делается вывод о том, что главным ресурсом возрождения Русского мира в качестве одного из важнейших субъектов всемирно-исторического процесса является рехристианизация населения, возвращение к духовным основам Православной цивилизации.

Ключевые слова: Русский мир, цивилизация, нравственно-религиозные основы русской государственности, рехристианизация, Православие

Русский мир — понятие, к настоящему времени принятое для обозначения объективно сложившейся культурно-исторической общности этносов и населяемых ими территорий, в течение длительного времени находящихся или находившихся под определяющим влиянием российской государственности и культуры. Русский мир может рассматриваться как одна из локальных цивилизаций, имеющая ряд специфических особенностей социокультурного бытия, определяемых объективными факторами исторической жизни.

РМ в истории: формирование, катастрофы, преемственность.

Термин «русский мир» восходит к текстам Н. Костомарова и «евразийцев» (П. Савицкого), а в своем современном виде он сформулирован П. Щедровицким: «сегодня Россия устроена так, что в границах Российской Федерации и в той «России», которая не очерчивается этими пространственными рубежами, — одинаковое число людей, говорящих и думающих на русском языке» [1].

Насущность употребления и содержательной разработки понятия «русский мир» (далее — РМ) определяется двуединой необходимостью: а) четкой идентификации названной цивилизационной общности людей и б) противостояния различным формам «ру-

софобии» — идеологий, направленных на фальсификацию истории и социокультурных особенностей «русского мира» с целью его уничтожения в качестве субъекта всемирно-исторического процесса.

Возникновение РМ в качестве локальной цивилизационной общности было обусловлено объективной необходимостью самоорганизации обширных полиэтнических пространств восточной Европы и северо-восточной Азии перед лицом перманентной внешней агрессии с запада и юга.

В основе формирования территории РМ лежит объективный процесс продолжения миграционного потока славян, начавшегося в первые века н.э. общим вектором на северо-восток и восток. Включение отдельных регионов в состав российской государственности и цивилизационное пространство РМ происходило в соответствии со следующими принципами. Главный и основной — как следствие миграционных потоков славянского земледельческого населения на обширные пространства Евразии: Поволжья, Урала, Великой степи и Сибири. Второй, связанный с реализацией нравственно-религиозных основ русской государственности — включение территорий с православным населением, подвергавшимся опасности геноцида и ассимиляции — земли Руси западнее Днепра, Грузия, Армения. Третий, связанный с необ-

ходимостью поддержания геополитического баланса в противовес экспансии других мировых держав — Прибалтика, Средняя Азия (временно — Финляндия и центральная Польша).

К настоящему времени все три названные принципа в значительной степени утратили свою актуальность и на первый план выступает принцип обеспечения самостоятельного развития и сохранения культурной самобытности РМ перед лицом экспансии западной «цивилизации потребления», приближающейся к порогу энергетической, демографической и экологической катастрофы. В настоящее время сохранение общности РМ является оптимальным вариантом смягчения катастрофических процессов и более быстрого перехода к жизнеспособному типу цивилизации.

Уникальными объективно-историческими особенностями РМ, обусловившими само его возникновение как локальной цивилизации, являются: 1) особый способ колонизации территорий; 2) особый способ взаимоотношения между государством и населением; 3) особый способ отношения между государствообразующим центром и окраинами. В отличие от колонизаторской политики европейских народов, почти полностью уничтоживших коренное население трех континентов (Северной и Южной Америк и Австралии), русская колонизация носила характер культурного симбиоза и реального породнения с другими этносами (Дж. Керзон: «Русский братается в полном смысле слова... Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми расами... к чему англичане никогда не были способны» [цит. по: 2, с. 21]; Н.А. Бердяев: «Россия — самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины... Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увы! — чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других» [3, с. 32]. Ни один из вошедших в состав РМ этносов не только не исчез, но все они резко увеличились в численности и, как правило, увеличили территории своего проживания. Для сравнения: в Западной Европе более половины из существовавших в конце Средневековья этносов были либо ассимилированы, либо уничтожены государствообразующими нациями (в частности,

западные славяне, проживавшие на большей части территории нынешней Германии). Наоборот, только благодаря вхождению в состав РМ целый ряд этносов — в частности, украинцы, эстонцы, грузины, латыши, армяне, молдаване и др. — были спасены от геноцида и ассимиляции.

Представляя собой уникальный в мировой истории пример подлинно христианской колонизации земель, «Россия, объединившая Евразийскую степь, основала на её западных и восточных границах с интервалом в столетие Одессу и Харбин — ставшие процветающими городами. Здесь удалось создать комплиментарную модель, обеспечивающую социально-экономический прогресс, этнонациональную и этноконфессиональную терпимость на суперэтническом уровне» (проф. В.А. Дергачев, Одесса) [4, с. 4].

Возможность свободного этнического развития в рамках РМ была обусловлена спецификой отношения государства и населения: государство здесь имело своеобразный «надстроечный» характер, не затрагивая внутренние формы народной жизни различных этносов, в том числе и великороссов. Государствообразующий великорусский этнос до начала XX века существовал в форме огромного конгломерата самоуправляющихся общин, члены которых, как правило, не имели непосредственного контакта с государственной системой и жили лишь в соответствии с традиционными обычаями и христианскими заповедями. (Одним из следствий этого был тот факт, что разрушение общинной системы к началу XX века образовало огромный конгломерат люмпенизированного населения, испытывавшего враждебность к непонятной ему государственно-правовой системе как таковой, который и стал основной социальной базой революционных потрясений.) Существование в фактически догосударственном состоянии крестьянского «мира» (первобытной соседской общины) с постоянной возможностью ухода на вольные земли стало важнейшим фактором формирования русского национального характера и менталитета. Жизнь крестьянского «мира» имела огромное нравственное значение, сохраняя в народе дух соборности и бескорыстия. Важнейшим фактором формирования русского национального характера является особая психологическая культура православной традиции, сосредоточенная вокруг таинства покаяния. В совокупности с аскетическим образом жизни в суровых природных и исторических условиях это способствовало уникальному проникновению христианского мироот-

ношения в глубину народного духа. С другой стороны, эти же факторы обусловили и сущностную амбивалентность русского национального характера, несущего в себе, с одной стороны, уникальный опыт свободы и нравственного подвига, вследствие которого «Россия — страна безграничной духовной свободы» (Н.А. Бердяев); а с другой — источник огромных разрушительных стихий по отношению к любым «внешним» формам государственности и цивилизации как воплощению «неправды», что обусловило катастрофизм русской истории XX века.

Институт крепостного права пришел в Россию с Запада достаточно поздно, просуществовал здесь вдвое меньший период времени и охватывал менее половины земледельческого населения. На землях Украины, Белоруссии, Польши и особенно Прибалтики крепостное право, существовавшее там намного дольше, значительно смягчилось в результате их вхождения в Российское государство. В самой Великороссии крепостное право не могло оказать значительного негативного влияния на национальный характер также и в силу того, что осуществлялось не в форме личной зависимости (как это было на западных территориях), а в форме «круговой поруки» членов общины, основанной на принципах справедливости и нравственной ответственности.

Светская русская культура приобрела особую непреходящую ценность благодаря тому, что органически соединила в себе преемственность с общеевропейской культурой и критическую рефлексию над ней. Обретая творческую самостоятельность позже всех культур христианского мира, русская культура с самого начала определялась, с одной стороны, как синтез мировых культурных традиций, а с другой, как путь к преодолению духовного кризиса западной цивилизации. Благодаря этому в XX веке она стала самой влиятельной среди мировых культур и продолжает оставаться таковой в настоящее время, поскольку несет в себе христианский мирообъемлющий смысл, противостоящий современной нигилистической «посткультуре» глобализованного «общества потребления».

«Надстроечный» характер российского государства, не затрагивавшего внутреннюю жизнь входивших в него этносов, был причиной того, что абсолютно подавляющее большинство из них входили в состав России по собственной просьбе, спасаясь от агрессивных соседей. В отличие от западноевропейских империй, военная экспансия для расши-

рения Российского государства была не правилом, а исключением, всегда имеющим вынужденный характер обороны от внешних врагов. Основой расширения географии РМ всегда была мирная земледельческая колонизация малоосвоенных земель. В отличие от государств Западной Европы, которые захватывали огромные территории на других континентах исключительно в качестве эксплуатируемых колоний, Россия включала новые территории в свой состав в качестве полноправных провинций, сохраняющих внутреннее законодательство и самоуправление, а также часто наделенных множеством привилегий. Получая множество выгод от пребывания в составе Российской Империи (прекращение войн, развитие экономических и культурных связей), национальные окраины, как правило, несли намного меньшую нагрузку в распределении налогов и других обязанностей, чем государствообразующая русская нация. Этот феномен сохранился и в советский период, когда РСФСР была второй республикой (после Эстонии) по производимому ВВП на душу населения, но предпоследней по уровню потребления. Тем самым, следует говорить о РМ и российской государственности как об уникальном в истории примере «империи-донора», для которой самоделение на «колонии» и «метрополию» в западном смысле этих терминов в принципе неприменимо.

Вопреки широко распространенному «русофобскому» мифу, уровень репрессивности российской государственности до 1917 года был значительно меньше, чем у государств Западной Европы и США. Даже экстраординарные для российской политической истории действия Ивана Грозного по количеству жертв оказываются в несколько раз меньшими, чем действия многих западноевропейских монархов того же периода, и даже меньшими, например, чем количество жертв одной Варфоломеевской ночи. В России никогда не было ничего подобного институту инквизиции или практике публичных пыток, существовавших в Западной Европе вплоть до начала XIX века. В период от восстания Пугачева до революции 1905 года Российская Империя была единственной в мире страной, в которой фактически не существовало смертной казни, применявшейся лишь в самых экстраординарных и единичных случаях. Классическим стало сопоставление казни нескольких декабристов, вызвавшей самый бурный и длительный резонанс, и казни без суда и следствия несколькими годами позже в Париже 11 тысяч рабочих, которую фран-

цузское общество просто «не заметило». Количество жандармов, количество преступлений и количество заключенных по отношению к общей массе населения (а также количество потребляемого алкоголя на душу населения) до 1917 году в Российской Империи также было в несколько раз меньшим, чем в странах Западной Европы и США. К 1913 году Российская Империя имела самую гуманную систему трудового и уголовного законодательства, делила с Германией 3—4 места в мировом рейтинге экономического развития.

Именно низкий уровень репрессивности государственной системы и национальная привычка к вольной жизни были причинами столь широкого распространения в России революционных настроений, намного более жестко и системно подавлявшихся в европейских странах и США. Революционная катастрофа 1917 года, приведшая к возникновению тоталитарного режима, а после его падения в 1991 году поставившая под вопрос само существование РМ, во многом объясняется вышеназванными цивилизационными особенностями. «Надстроечный» характер государственности и отношение к ней как квазисакральному явлению, сохранявшееся у большинства населения, оказались чрезвычайно удобными для проведения революционных переворотов. Падение сакральной царской власти в массовом сознании воспринималось как крушение богоустановленного миропорядка, которое освобождало людей от всякой моральной обязанности перед государством. Поэтому попытка построения парламентского режима по европейским образцам деятелями февральской революции провалилась из-за тотального саботажа во всех слоях населения, что немедленно привело к социальному хаосу и развалу государственности как таковой. Последняя могла быть восстановлена только либо путем восстановления законной царской власти, либо путем самой жестокой диктатуры. Заблокировав первый вариант, деятели «февраля» сделали второй неизбежным и единственно возможным. Хотя изначальной социальной опорой большевиков были многочисленные люмпенские слои населения и выходцы из криминального мира, но, как только им удалось создать некое подобие государственной власти, к ним на службу массово пошли все, кто желал скорейшего восстановления порядка и мирной жизни. Хотя главной силой революции была опора на люмпенское сознание, незащищенное перед демагогией и утопизмом, но в своем последующем укоренении советский режим удачно опирался на высо-

кие морально-психологические качества масс, воспитанные традиционной цивилизацией: трудолюбие, жертвенность, бытовой аскетизм, патриотизм и доверие к власти как таковой. С другой стороны, мощным фактором победы большевизма стало особо активное участие в нем маргиналов из нерусских этносов, без которых создание «критической массы» революционно настроенного населения из одних лишь русских было бы невозможно.

С цивилизационной точки зрения «советский строй» представлял собой специфический феномен репрессивно-мобилизационного модерна, при котором мобилизация, стремительная модернизация и тотальное огосударствление всех сфер жизни в условиях противостояния (экономического и военного) всему остальному миру осуществлялись за счет самой бесчеловечной растраты человеческих ресурсов. Советская модель цивилизации Модерна противостояла западному Модерну именно как конкуренту за мировую гегемонию — поэтому за «фасадом» этого противостояния в «советском строе» следует видеть именно форму радикальной вестернизации общества и осуществление лишь в более грубой и катастрофичной форме тех же самых цивилизационных процессов, которые параллельно происходили на Западе.

Тридцатилетие от начала революционного разбоя 1917 года до голодомора 1947 года представляет собой непрерывную цепь актов геноцида со стороны коммунистической власти и европейских агрессоров, жертвами которых стали около 60 миллионов человек, подавляющее большинство из которых — представители восточнославянских этносов. Этот геноцид — Русский холокост — является самым страшным в истории человечества. С точки зрения христианской историософии он должен рассматриваться как неизбежная кара за отступление от веры и Церкви, ответственность за которое (не отрицая вины конкретных исполнителей) в конечном счете несет сам народ.

Главной социокультурной закономерностью эволюции «советской цивилизации» было последовательное разрушение тех нравственно-психологических качеств населения, благодаря которым она сохраняла свою жизнеспособность. «Уравниловка» и уничтожение частной инициативы в экономике разрушили трудовую этику и привели к массовому распространению психологии индивидуализма и социального иждивенчества. Бессодержательность официального атеистического мировоззрения привела к распро-

странению массового нигилизма и безнравственности. Акцентуация «земных» ценностей сформировала потребительскую психологию и идолопоклонство перед «благами» западной цивилизации, уничтожая чувства национального достоинства и патриотизм. В результате этого разрушение советского строя изначально было объективно неизбежным, а субъективные факторы могли лишь скорректировать его конкретные сроки.

После 1991 года деструктивные социокультурные тенденции на пространстве РМ не исчезли, но еще более углубились. Среди поколений 1960-х и позднейших годов рождения доминирует тип человека с разрушенной семейной, трудовой и бытовой этикой, что неизбежно приводит к депопуляции, криминализации и всесторонней деградации «постсоветского» социума. Единственной объективной возможностью преодоления катастрофических тенденций является возрождение традиционных ценностей, основанных на религиозной культуре. Эта тенденция к настоящему времени также достаточно четко просматривается, однако еще не достигла настоящего заметного влияния на состояние общества.

К настоящему времени РМ приобрел новый модус своего существования в виде «сетевого сообщества», представители которого находятся практически во всех регионах земного шара. В середине 2000-х годов обозначилась тенденция к возрождению интереса к русскому языку как к одному из мировых, завершилось формирование устойчивых сообществ русскоязычного населения в десятках стран мира. В странах Западной Европы и Америки устойчиво растет интерес к Православию как аутентичной христианской традиции вследствие катастрофического кризиса западных конфессий в условиях «потребительского общества». Среди интеллектуальных сообществ всех регионов мира устойчиво сохраняется интерес к русской культуре, оказавшейся глубоко востребованной именно в условиях системного кризиса западной культурной традиции. Тем самым, даже пребывая в состоянии глубокого трансформационного кризиса, РМ остается одним из важнейших явлений мировой цивилизации.

Русский мир — цивилизация будущего

Цивилизационные трансформации XXI столетия, в чем бы они ни состояли в будущем, неизбежно будут происходить под знаком глобальной борьбы за выживание, которая на самом деле уже началась, идет полным ходом и имеет первые жертвы. Первыми

ее жертвами стали большинство стран бывшего СССР, утратившие экономическую самостоятельность и подчиненные диктатуре мирового рынка. В условиях этой диктатуры наше будущее весьма печально, о чем, например, популярно, но неопровержимо поведал в книге «Почему Россия не Америка» А.П. Паршев.

В каком-то смысле принцип выживания всегда действовал в мировой истории, которая может рассматриваться как сложная совокупность локальных процессов борьбы за овладение средой обитания между различными общностями людей (родами, этносами, нациями и социальными группами внутри наций). Но при этом никогда, вплоть до середины XX века, речь не шла о борьбе за выживание на планетарном уровне, когда сначала ядерное оружие создало вероятность всеобщей гибели, а затем возникла все более острая угроза разрушения биосферы в результате хозяйственной деятельности человека. Поскольку это разрушение в той или иной степени неизбежно и уже началось, то теперь борьба за выживание из локальной превратилась в глобальную: «мир прошел половину пути от глобального экологического кризиса (ГЭК) к тотальной экокатастрофе (ТЭК), и последняя скорее всего произойдет не позже середины XXI века» [5, с. 44]. Не избежать (это уже не удастся), но смягчить экокатастрофу можно только путем реализации глобального проекта выживания, для каждой страны имеющего свою специфику. Соответственно, отныне «общим знаменателем» любых реалистичных проектов становится то, что можно назвать эко-принципом. Сам этот проект можно назвать уже существующим термином эко-будущее. От того, насколько реалистичный проект будет избран и как скоро приступят к его осуществлению, зависит количество человеческих потерь (сокращение населения как в локальном, так и в глобальном масштабе) в результате экокатастрофы.

Ныне действующий проект так называемого «устойчивого развития» не только утопичен, но и явно аморален, поскольку основан, по сути, на «расистском» делении регионов мира. В соответствии с этим проектом ради благоденствия стран «золотого миллиарда», бездарно уничтожающего ресурсы планеты, все остальные должны пребывать в состоянии нищеты и планируемого вымирания. Однако даже и такое аморальное «благоденствие» будет весьма недолгим в перспективе сначала все большего вздорожания, а затем и почти полного исчерпания энерго- и

биоресурсов. Этот процесс уже начался, и снижение потребительских стандартов внутри самого «золотого миллиарда» вскоре неизбежно приведет к социальным потрясениям, а затем как следствие — к усилению экономического и политического хаоса во многих регионах «третьего мира».

Таким образом, принципиальной проблемой эко-будущего является в первую очередь исследование тех естественных «механизмов» саморегуляции социумов, на которые следует опереться в стратегиях выживания. В общеметодологическом плане следует заметить, что экологические проблемы традиционно принято связывать с вопросами охраны окружающей природной среды, не замечая при этом всеобъемлющего характера данной области знаний. Ведь экология буквально значит «наука о доме», а это понятие включает не только физический и биологический, но в первую очередь и социальный, и философский, и исторический аспекты. Поэтому разработка проектов эко-будущего (в том числе его локальных, например, национальных составляющих) должна стать предметом междисциплинарной области исследований, которую стоит назвать тотальной экологией, включающей в свою проблематику уже не только и не столько вопросы рационального природопользования (в целом уже всесторонне изученные), но в первую очередь социально-философские, культурологические, антропологические, этические вопросы, связанные с планированием новой цивилизационной модели, способной обеспечить выживание как локальных общностей, так и человечества в целом.

В частности, если традиционная экология главное внимание уделяла фактам истощения «внешних» ресурсов (энергосистемы, почвы, вода, воздух), то для тотальной экологии главным предметом становится истощение «внутренних» ресурсов воспроизводства человека и социума (разрушение базовых социальных институтов — семьи и трудовой этики; ухудшение генофонда и т.д.). Другим важнейшим предметом анализа в тотальной экологии должен стать факт истощения стабилизационных ресурсов, проявляющийся, в частности, в кризисе глобальной ядерной безопасности, ранее более-менее обеспечивавшейся равновесием двух систем. Появление новых центров ядерного оружия и усложнение системы управления им делает все более сложным избежание разного рода трагических случайностей. Уже в самом ближайшем будущем «управляемый хаос» как принцип управления однополярным миром —

будет сам по себе чрезвычайно опасен и невозможен. Наконец, третьей важнейшей составляющей проблемного поля тотальной экологии должно стать изучение и прогнозирование нового типа социальных и цивилизационных конфликтов, которые будут происходить вследствие растущей нестабильности «глобального сословного общества» (Е. Головаха), разрушения базовых социальных институтов, депопуляции коренного населения и сокращения потребительских стандартов внутри самого «золотого миллиарда», глобальных неконтролируемых миграций населения и т.д.

«Постсоветская» ситуация интересна тем, что она оказывается «модельной» для человечества в целом — своего рода «испытательным полигоном», наглядным экспериментом его будущего [6, с. 68] (в этом смысле мы, как и раньше, снова «впереди планеты всей»). «Золотой миллиард», контролирующий мировые ресурсы с помощью единой системы финансовой диктатуры и военной силы, будет ими обеспечен примерно лет на 40—50 (это по не самым пессимистическим прогнозам). Коллапсу будет предшествовать период кризисов и социальных потрясений, который уже начинается. Им также придется переходить на модель непотребительской экономики — и чем раньше, тем лучше. Но это не что иное, как катастрофа жизненных стандартов и ценностных ориентаций огромных масс населения.

В качестве того «испытательного полигона», которому предстоит раньше всех пережить ситуацию коллапса потребительской экономики, население «постсоветских» пространств призвано также раньше всех выработать и соответствующие способы выживания. Для этого, прежде всего, следует отказаться от стереотипа необратимости экономических, ценностно-мировоззренческих и социально-политических изменений, происходящих в Новое и Новейшее время, по привычке именуемых «Прогрессом». Речь идет, конечно, не о том, что мы просто вернемся к состоянию Средних веков (хотя в некоторых отношениях это действительно так, о чем убедительно писали Н. Бердяев и У. Эко). Речь о том, что мир становится принципиально многоукладным, и созданная Западом модель «либеральной» цивилизации, основанная на потребительской экономике — это лишь локальное во времени и пространстве явление; пик его расширения пройден, и в дальнейшем оно будет лишь сужаться до состояния дискретных закрытых для внешнего мира зон, разбросанных на больших расстоя-

ниях друг от друга. Населению, не попавшему в эти зоны, придется выживать как-то иначе или просто исчезнуть.

Единственная стратегия, которая ныне реально действует с целью продления агонии потребительской экономики в странах «третьего мира» и рекордной скорости ее создания в Китае, — это так называемое «планирование семьи», проще говоря, убийство нерожденных детей. Запад, в отличие от Китая, по сути не нуждается и в ней, так как депопуляция коренного населения там происходит сама собой вследствие фактического разрушения семьи как базового социального института, который все более маргинализируется. С компенсацией населения за счет иммигрантов из «третьего мира», где еще сохраняется традиционная семья и поэтому высокая рождаемость, несколько не зависящая от материального уровня жизни, — там проблем нет. Проблема в том, что через те же 20—30 лет Европа уже не будет Европой, а Северная Америка этнически будет мало отличаться от Южной. Этнически Запад исчезнет так же, как его уже не существует в культурном смысле — как «христианской цивилизации», каковой он был еще несколько десятилетий назад.

Наши местные «реформаторы» также иногда цинично заявляли, что сокращение населения Украины будет иметь положительное значение для ее развития, поскольку для меньшего количества населения легче создать благоприятные социально-экономические условия. Такая мысль, кроме своего очевидного цинизма, на наш взгляд, не учитывает два принципиальных обстоятельства. Во-первых, с сокращением населения меняется его возрастная структура в сторону старения, и поэтому, с одной стороны, будет сокращаться доля трудоспособного населения, а с другой — возможности государства для поддержания жизни пенсионеров. В такую страну никто не захочет делать инвестиции, а ее собственный бюджет будет становиться все более затратным и дефицитным, «проедая» все, что могло бы пойти на развитие. Сокращение продуктивной части населения имеет не только объективные причины, но и субъективный фактор непривлекательности производственных видов труда, являющийся следствием разрушения традиционных моральных ценностей. Характерно, что даже и те небольшие инвестиционные возможности, которые имеет наша экономика, сейчас направляются преимущественно в торговлю и сферу услуг, а не в производственные сектора экономики, то есть в страте-

гической перспективе — просто «зарываются в землю» и бессмысленно проедаются.

Этот субъективный фактор, который разрушает производственный потенциал общества, является непосредственным следствием доминирования среди молодых поколений «идеала» потребителя-эгоцентриста, который в равной мере ощущает отвращение и к напряженной продуктивной работе, и к ответственной семейной жизни, которая предусматривает тяжелый труд и жертвенность в воспитании нескольких детей на протяжении всей активной части жизни. Тем самым, в основе и демографических, и экономических деструктивных процессов лежит в первую очередь одна и та же проблема — доминирование нового «постмодерного» человеческого типа с разрушенной семейной и трудовой этикой.

В этом отношении мы в качестве «испытательного полигона» также значительно опережаем Запад. Цивилизация, созданная Западом, изначально основана на глубоко иррациональном и противоестественном во всех отношениях стремлении к избыточному потреблению ресурсов и избыточному комфорту, что с неизбежностью приводит к психофизиологической и нравственной деградации человека. Эта цивилизация силой формирует человека как ненасытного эгоцентрического сибарита-потребителя — и пытается противостоять этому принудительному воздействию чрезвычайно тяжело, ведь альтернативные цивилизационные модели жизни практически уничтожены и возродить их в индивидуальной жизни можно лишь чрезвычайным волевым усилием. По видимости, стремясь сделать земную человеческую жизнь максимально комфортной, современная цивилизация достигает этого ценой тотального абсурда, заключенного прежде всего в бессмысленности самого этого стремления как такового, уравнивающего человека с похотливым животным.

Современная цивилизация вырывает человека из непосредственной включенности в природные циклы, опосредуя и почти сводя на нет его контакт с «упругой плотью бытия», замыкает его, словно в тюрьме, в особой сфере эфемерной реальности внутри мира межчеловеческих условностей. Эта тенденция достигает своего полного выражения в «постиндустриальном» мире, где производятся и циркулируют колоссальные потоки искусственной информации, полностью замусоривающей человеческое сознание, теряющее способность к самостоятельному мышлению и целостному, осмысленному взгляду

на мир и самого себя. Создается замкнутый и абсолютно абсурдный, бессмысленный мир искусственного человеческого бытия, в котором абсолютно доминируют искусственные виды деятельности и искусственные потребности, совершенно избыточные по отношению к процессам духовного и физического воспроизводства человека. Более того, они радикально препятствуют и тому и другому самим фактом этого доминирования, отбирающим силы и время людей на экзистенциально деструктивные цели, порожденные патологической гордыней эфемерного самоутверждения Его-центрического индивида. В сущностной основе этой цивилизации лежит культивирование новой квазирелигиозной ценности — человеческого Его, т.е. эголатрия как новый вид секулярного идолопоклонства.

Исторически эголатрия происходит от лукавой подмены высшей ценности бессмертной человеческой души псевдоценностью смертного, бессмысленного Его. Эта подмена возникла в результате достаточно длительного процесса разложения западного христианства, начавшись с так называемого «христианского гуманизма», открывшего путь к секуляризации всех сторон жизни. Затем «гуманизм», в своей сути являющийся поклонением именно смертной, непреображенной природе человека, «человекобожием» (Ф.М. Достоевский), отбрасывает христианскую внешность, которой он изначально по сути своей всегда был враждебен, и деградирует до чистого индивидуализма человека современной «цивилизации потребления». Но наиболее разрушительно эголатрия как подлинная религия «цивилизации потребления» действует не на самом Западе, где она возникла, поскольку здесь успевают выработаться достаточно сильные компенсаторные механизмы: высокий уровень материальной жизни и социальной защиты, «правовое государство» и т.п. Самые разрушительные последствия она имеет там, где эти механизмы не успели возникнуть: разрушая институты традиционной цивилизации, эголатрия ничего не создает взамен, вследствие чего наступает социальная катастрофа. Наиболее характерно эта закономерность проявилась в ареале нашей восточно-христианской традиции (хотя есть и еще более катастрофичный пример: гибель коренного населения трех континентов — двух Америк и Австралии — вследствие колониальной экспансии Запада). В частности, такое специфическое явление, как «советская цивилизация», было защитной реакцией

— попыткой «смягчить» процесс вестернизационной катастрофы путем альтернативного Модерна.

Доминантой современной западной цивилизации является общее явление, которое можно условно назвать неоварварством. Впервые об этом писал еще Х. Ортега-и-Гассет: «по отношению к той сложной цивилизации, в которой он рожден, европеец, входящий сейчас в силу, — просто дикарь, варвар, поднимающийся из недр современного человечества» [цит. по: 6, с. 104]. Позднее М.К. Мамардашвили ввел удачный термин «антропологическая катастрофа» для обозначения наступающей неспособности современного человека воспроизводить те первичные смыслы, без которых невозможно жить. Главной причиной этой вторичной варваризации является окончательное формирование «потребительского общества», в котором оказывается избыточным все, что выходит за рамки индивидуалистического прагматизма — стремления ко все большему комфорту и удовлетворению витальных потребностей (все более искусственных). Это, в первую очередь, базовые духовные ценности и культурные навыки, унаследованные от традиционного общества. Но, как оказалось, без них и человек и социум в целом в конце концов оказываются нежизнеспособны и вымирают просто физически. Соответственно, единственная реальная, а не паллиативная стратегия выживания — столь же проста, сколь и шокирующа для большинства «современных» людей: это возвращение к базовым ценностям и социальным структурам традиционной цивилизации.

Вместе с тем, если присмотреться даже к самому «продвинутому» обществу стран «золотого миллиарда», то и здесь можно заметить явные, хотя и противоречащие его официальной идеологии попытки воссоздания структур традиционного общества. Это, в первую очередь, эффективные технологии управления массовым сознанием и поведением, что соответствует жесткой нормативности обычного традиционного общества. Фундаментальное отличие состоит лишь в системах ценностей и методах этого управления, но сама нормативность современного общества во многих аспектах даже большая, чем у обычных традиционных обществ. Даже идеологический концепт «свободы» ныне практически утратил свой первоначальный смысл и в первую очередь является средством манипуляции «общественным мнением» (впрочем, и последнего в его подлинном смысле давно уже нет).

Наконец, использование человеческих ресурсов «третьего мира», которые не торопятся ассимилироваться, означает желание и за счет них укрепить социальную нормативность обществ, идеологически продолжающих именовать себя «свободными».

В свое время П. Сорокин, указывая на неизбежность смены типа цивилизации, определял цивилизационную парадигму предшествующего этому периода следующим образом: «а) нарастающий упадок чувственной культуры, общества и человека и б) появление и постепенный рост первых компонентов нового (идеационального или идеалистического) социокультурного строя» [7, с. 885]. На самом деле, картина оказывается более сложной и даже весьма парадоксальной. С одной стороны, «чувственная культура» в материальном (экономическом и военном) отношении стала еще более мощной, подчинив весь мир своим интересам. С другой стороны, она максимально мобилизует внутренние «идеациональные» ресурсы в виде усиления идеологической и поведенческой нормативности. Наконец, по всему миру традиционные культуры втягиваются в процесс секуляризации, а значит, обречены на разрушение в качестве некогда господствовавших. Если бы не близкая перспектива экокатастрофы, эти процессы могли бы протекать долго и плавно, но этого не будет. Будет, и уже происходит быстрое структурирование глобального перераспределения ролей в борьбе за ресурсы, при котором все регионы мира будут черпать внутренний социальный капитал в сознательном, вполне авторитарном возрождении локального традиционализма. Только таким путем можно «амортизировать» разрушение идеалов (для многих так и не достигнутых) потребительского общества и сохранить жизнеспособность социума. Если доныне это возрождение происходило стихийно, на уровне индивидов и групп, то ближайшие десятилетия ознаменуются феноменом своеобразного государственного традиционализма, переход к которому после доминирования либеральных идеологий для многих людей будет весьма болезненным «крушением идеалов» и будет восприниматься как второе пришествие «тоталитарных идеологий». Последнее мнение будет глубоко ошибочно, поскольку «тоталитарные идеологии» всегда были результатом секуляризации сознания (то есть в конечном счете имели тот же источник, что и сам либерализм), а всякий традиционализм, хотя бы и культивируемый государством, — наоборот, есть возрождение религиозности и духовных ценностей. В том

числе и подлинного смысла понятия «свобода».

Как внутри коренных народов «золотого миллиарда» на основе духовно-нравственного возрождения, так и в старых традиционных обществах, обреченных в той или иной степени пройти все соблазны Модерна и Постмодерна, носителем жизнеспособной модели социальности будет тип человека, который можно условно назвать эколичностью. Его основные признаки: 1) приоритет духовных ценностей; 2) здоровый образ жизни; 3) способность к относительной социальной автаркии в условиях конкурирующих стилей жизни и систем ценностей. Эколичность — это человек, способный выжить в условиях краха потребительского общества.

Возвращение к традиционным ценностям и моделям жизни (глобальная неотрадиционалистская революция) — главный четко прогнозируемый тренд истории XXI века, обусловленный жесткими параметрами выживания в условиях истощения энергоносителей и разрушения семьи как института естественного воспроизведения населения. В XXI веке выживут и будут развиваться те локальные цивилизации, которые успешно ответят на этот цивилизационный вызов единственно возможным способом. «Стартовые условия» РМ в настоящей ситуации далеко не оптимальные, однако и потенциальные возможности также очень велики. На территории РМ, преимущественно в самой России, находится чуть более половины всех минеральных ресурсов планеты. Это означает перспективу постоянной угрозы внешней (экономической и военной) экспансии со стороны остального мира, что заставит любой политический режим заботиться прежде всего об укреплении государственности и жизнеспособности народа. Этот курс четко обозначился в период президентства В.В. Путина и не имеет альтернативы. Оба названные фактора, в свою очередь, приведут к неизбежному возвращению в сферу влияния России бывших республик СССР, а также многих более отдаленных стран «третьего мира», что будет сопровождаться различными формами экономической, политической и культурно-языковой реинтеграции.

Главным ресурсом возрождения РМ в качестве одного из важнейших субъектов всемирно-исторического процесса является рехристианизация населения, возвращение к духовным основам Православной цивилизации. Если в ближайшие несколько десятилетий неотрадиционалистская революция охватит достаточно широкие массы населе-

ния РМ, компенсируя естественное вымирание «потребительского общества», в этом случае можно рассчитывать на самый позитивный сценарий его дальнейшего развития. В противном случае территория РМ может оставаться лишь одним из деградирующих фрагментов «третьего мира», полностью контролируемым извне.

Список литературы

1. Щедровицкий П. Русский мир: восстановление контекста: [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history01/shedrovitsky-russmir/ (дата обращения: 19.11.2016).
2. Кожин В.В. Россия как культура и цивилизация // Кожин В.В. Победы и беды России. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 512 с.

3. Бердяев Н.А. Судьба России. — М.: АСТ, 2006. — 333 с.

4. Дергачев В.А. Евразийская идентичность // Вечерняя Одесса. — 3.11.2005.

5. Зубаков В.А. Куда идем? К экокатастрофе или экореволюции? // Философия и общество. Научно-теоретический журнал. — 2000. — № 2 (18). — С. 44—79.

6. Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста / Сост. А.Ю. Ашкерев. — М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 348 с. (Великие противостояния).

7. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. — М.: Астрель, 2006. — 1176 с., 24 с. илл.

Даренский Виталий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социологии Луганского государственного университета им. Тараса Шевченко (Луганск); darenskiy1972@mail.ru.

THE RUSSIAN WORLD: PAST, PRESENT, FUTURE

Vitaly Y. Darenskiy
(Lugansk, Lugansk People's Republic)

The article gives the definition of the concept “the Russian world”, reveals its content, and investigates the origin of the term. The phenomenon of the Russian world is studied in the paper as local civilization of community in history. Analyzing contemporary cultural sphere of the Russian world, cultural, historical and political situation and comparing the features of both Western and Eastern civilizations, the author predicts the existence of the Russian world as the civilization of future. The article concludes that the main resource for the revival of the Russian world as one of the key subjects in the world historical process is re-Christianization of population, a return to the spiritual values of the Orthodox civilization.

Key words: the Russian world, civilization, moral and religious values of Russian statehood, re-Christianization, Orthodoxy